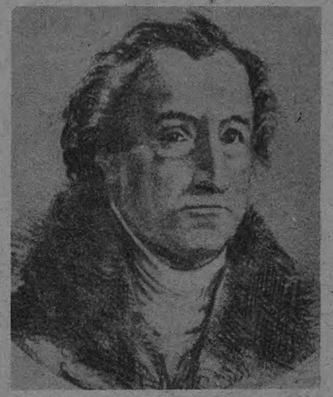
К столетию со дня смерти

Вольфганг Гете

Ал. Дейч

В октябре 1824 года молодой геттингенский студент Генрих Гейне, путешествуя пешком по Германии, завернул в Веймар, резиденцию великого поэта Гете, чтобы повидать его. Впоследствии Гейне рассказывал о том, сколько „возвышенного и глубокого“ собирался он сказать Гете при свидании. Но, увидев великого старца, (Гете было в то время 75 лет), молодой Гейне не только растерялся, но был совершенно подавлен впечатлением, полученным от „олимпийского вида“ Гете: „Его внешний вид был так же значителен, как и слова его творений; образ его был исполнен гармонии, ясен, благороден, и на нем можно было изучать греческое искусство, как на античной модели. Этот гордый стан никогда не сгибался в христианском смирении червя; эти глаза не взирали грешно-боязливо, набожно или с елейным умилением; они были спокойны, как у какого-то божества. Высказывали замечание, будто рот его выражал эгоистические наклонности; но и это—черта, присущая вечным богам и именно отцу богов—великому Юпитеру, с которым я уже сравнивал Гете. В самом деле, когда я был у него в Веймаре, стоя перед ним, я невольно посматривал в сторону, нет ли около него орла с молниями. Чуть-чуть я не заговорил с ним по-гречески; но, заметив, что он понимает немецкий, я рассказал ему по-немецки, что сливы на дороге от Иены к Веймару очень вкусны“.



Вольфганг Гете. С картины худ. Делакруа

Это олимпийство Гете—одна из отличительных черт не только его внешности, но и его сущности. Гете прожил долгую плодотворную жизнь. Он умер в 83-летнем возрасте, и смотрел на мир, как спокойный об'ективный наблюдатель. Он старался охватить весь мир явлений, в частности он пытался возвести к общему, он искал найти общие принципы бытия. Он сделался великим поэтом и крупным естествоиспытателем, но от него ускользали жгучие вопросы современности. Они казались ему временными, частными по сравнению с высшими „космическими вопросами“. По верному слову марксистского критика Меринга, Гете одинокой вершиной возвышался над нацией. Та борьба, которая велась в Германии за национальное существование, не затрагивала Гете; совершенно безучастно относился он к войнам с Наполеоном. Источники такой „аполитичности“ Гете надо искать не столько в свойствах его характера, сколько в социальной обстановке его эпохи.

Творческая жизнь Гете началась во второй половине XVIII века, когда Германия представляла собой раздробленную на части страну, крайне отсталую в хозяйственном отношении, почти лишенную общественной жизни. Буржуазия еще не осознавала себя как класс, еще не созрела для той борьбы, которая к концу XVIII века развернулась во Франции и закончилась Французской революцией. Отстраненное от активного участия в политической жизни, германское бюргерство было лишено классового самосознания, и даже его авангард—передовая интеллигенция—если и мечтала о социальном и политическом освобождении своего класса, то во всяком случае была далека от революционных концепций. В семидесятые годы XVIII столетия группа передовой буржуазной интеллигенции создала литературное направление, известное под именем „бури и натиска“. Молодые писатели, главным образом происходившие из низших слоев бюргерства, изображали в своих произведениях восходящую силу буржуазной интеллигенции, людей, пробивавшихся в жизнь благодаря своей одаренности, благодаря личным качествам, своей энергии и воле. Эта восходящая сила противопоставлялась отжившему миру феодально-монархических привилегий. Поэты „бури и натиска“, сильные энергией, но пока угнетенные и бесправные, изображали своих героев в виде таких же сильных людей, „сверхчеловеков“, срывающих с себя оковы кастовых предрассудков и завоевывающих себе место в жизни. Поэты „бури и натиска“, так же, как и выдающийся поэт современного им бюргерства Шиллер, восторгались идеей свободы, как прекрасным отрицанием угнетавшей их действительности, но эта идея была бесплотна, царила в поднебесных сферах, точь в точь, как это сказано у Гейне:

Французам и русским земля дана,
Британцам—море покорно,
Но в царстве воздушном мечтаний мы
Господствуем бесспорно.

В области же практической жизни отсталое бюргерство стремилось не столько к ниспровержению существующего строя, сколько к тому, чтобы добиться в нем теплого местечка.

В этом отношении жизнь Гете была, что называется, устлана розами. Он родился в 1749 году в семье богатого франкфуртского буржуа, имперского советника. Гете указывает в одном из своих стихотворений, что он унаследовал от отца „солидный взгляд на жизнь“. Этот „солидный взгляд на жизнь“ после нескольких лет беспорядочной жизни в молодости приводит Гете в Веймар, ко двору мелкого деспота Карла-Августа. Гете прожил там около шестидесяти лет в качестве ближайшего советника веймарского герцога и приближенного сановника. Материальная обеспеченность, сопутствовавшая Гете всю жизнь, дала ему возможность получить хорошее образование, совершить путешествие в Италию, на родину классицизма, которому Гете поклонялся всю жизнь. Характерно отметить, что эта личная обеспеченность, эта легкость, с которой Гете пробился в жизнь и стал на высшей ступени современной ему общественной лестницы, отразились на его творчестве в том смысле, что недовольство существующим строем сказалось в нем гораздо меньше, чем у других, менее обеспеченных писателей его поколения. Социально-политические протесты бюргерства мало отражались в творчестве Гете, и его юношеская драма „Гец фон-Берлихинген“, если и рисует борьбу крестьян со знатными феодалами, то, во всяком случае, Гете изображает своего героя не вождем революции, сознательно ставшим на сторону крестьян, а случайно втянутым в борьбу стечением обстоятельств. И когда дело доходит до настоящей революции, Гец фон-Берлихинген испытывает глубокое разочарование. Таким же разочарованием исполняется и передовое германское бюргерство к французской революции, когда видит, что „идея о свободе“ неизбежно должна облечься в формы жестокой классовой борьбы. Так, Шиллер, торжественно получивший звание почетного гражданина французской республики, отшатнулся от революции, когда якобинцы пришли к власти. Самый революционный из представителей „бури и натиска“ пришел в ужас, увидев перед собой подлинную буржуазную революцию,—до того германская буржуазия была мало сознательна и мало подготовлена к борьбе за свое господство.

Неудивительно поэтому, что Гете с высоты своего министерского поста отнесся к французской революции явно враждебно, и в целом ряде шутовских фарсов, комедий и драм выразил свое ироническое отношение к революции, которую он считал ужасным и неестественным явлением

Hof - Theater.

Montag, den 19. Januar 1829.
Vierzehnte Vorstellung im vierten Abonnement.

Zum Erstenmal:

Faust

Tragödie in sechs Abtheilungen von Göthe. Für die Bühne redigirt.

Personen:

Faust	Hr. Schütz.
Wagner, sein Famulus	Hr. Graf.
Mephistopheles	Hr. Marr.
Der Erdgeist	Hr. Teffolt.
Böser Geist	Hr. Gudmann.
Ein Schüler	Hr. Hölsch.
Brosch,	Studenten: Hr. Eggert.
Brander,	Studenten: Hr. Günther.
Siebel,	Studenten: Hr. Meller.
Altmayer,	Studenten: Hr. Schütz.
Hexe	Mad. Lep.
Margarethe, ein Bürgermädchen	Mad. Berger.
Valentin, ihr Bruder, Soldat	Hr. Kettel.
Frau Martha, ihre Nachbarin	Mad. Klingemann.
Erster	Handwerksbursche: Hr. Feuerstake.
Zweiter	Handwerksbursche: Hr. Käfer.
Dritter	Handwerksbursche: Hr. Bilser.
Erster	Schüler: Hr. Berger.
Zweiter	Schüler: Hr. Eigenhogen.
Erster	Dienstmädchen: Dem. Wolbig.
Zweiter	Dienstmädchen: Elis. Bombach.
Erster	Bürgermädchen: Mad. Gröber.
Zweiter	Bürgermädchen: Dem. Höpfner.
Erster	Bürger: Hr. Wernth.
Zweiter	Bürger: Hr. Gierpisch.
Dritter	Bürger: Hr. Haack.
Eine alte Wahrsagerin	Mad. Geßler.
Soldaten. Volk. Erscheinungen und Geister.	

Anzeige.

Die geehrten Abonnenten werden ersucht, an jedem Abend ihre Abonnementskarten mitzubringen und vorzuzeigen, weil die Wechselung der Logenschließer an den verschiedenen Plätzen dies nothwendig macht.

Preise der Plätze:
Parterre 8 Ggr. Sperrsitz 12 Ggr. Parterre-Loge 12 Ggr. Erster Rang 16 Ggr. Zweiter Rang 8 Ggr. Dritter Rang 4 Ggr. Galerie 3 Ggr.

Das Theater-Büreau befindet sich im Hause № 1885 am Steingraben, und ist von Morgens 10 Uhr bis Mittags 1 Uhr geöffnet.
Billets sind nur an dem Tage gültig, an welchem sie gelöset sind.

Der Anfang ist um 6 Uhr und das Ende nach halb 10 Uhr.
Die Casse wird um 5 Uhr geöffnet.

Unpäßlich: Herr Gröber.

19 января 1829 года в Брауншвейгском придворном театре впервые была представлена первая часть трагедии „Фауст“ Гете, приспособленная для сцены. На снимке: афиша премьеры с распределением ролей

„Я радуюсь каждому совершенствованию, которое сулит нам будущее, но мне противно все насильственное, всякие скачки, потому что это не сообразно с природой“. Революционные перевороты казались Гете нарушающими путь природного развития, и он уверял, что дело прогресса может совершаться только путем постепенной метаморфозы общественного организма.

Нельзя ставить в упрек Гете, как это делали многие буржуазные радикалы, его непонимание исторических событий, его отход от действительности, его олимпийство. **Ф. Энгельс** с поистине гениальной чуткостью понял сущность олимпийства Гете, обвиняя в этом не великого поэта, а современную ему Германию, от которой он отгородился своим уходом в классицизм и в чисто эстетическое миросозерцание, в „царство эстетической видимости“.

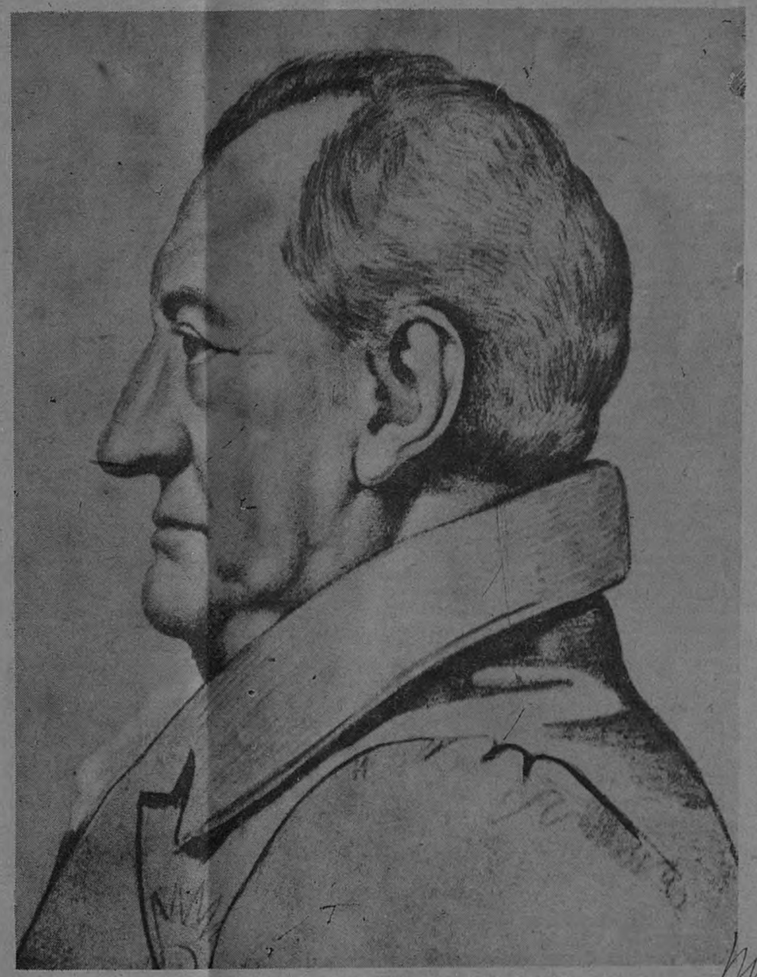
Гете был слишком законченной, цельной натурой, и отказом от действительности серой и убогой он оберегал себя от травли, от нищеты, от гибели. **Ф. Энгельс** подчеркивает двойственное отношение Гете к немецкому обществу: то он враждебен ему, и оно ему противно, то он примиряется с ним, дружит с ним и защищает от наступающего на него исторического движения, как в тех произведениях, где говорит о французской революции. Отсюда проистекает двойственность натуры Гете: „то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, ужий филистер...“

Всю свою долгую жизнь Гете стоял перед дилеммой: существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать, и быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать; и чем старше он становился, тем больше отступал могучий поэт перед незначительным веймарским министром.

Эта двойственность Гете, четко сформулированная **Энгельсом, вызвала** ожесточенные нападки на Гете, которые сыпались со стороны молодой восходящей радикальной интеллигенции, пришедшей на смену деятелям „бури и натиска“. По мере роста политического самосознания в рядах буржуазии, „царство эстетической видимости“, в которое ушел Гете, постепенно меркло. В самом Гете произошла к концу его жизненного и творческого пути известная „переоценка ценностей“. Он тяготился очень часто жизнью при дворе мелкого деспота среди трусливых и смиренных мещан и в конце концов он не составил себе стойкого представления о том, куда же и какими путями должно итти человечество. Заканчивая основной труд своей жизни, „Фауста“, Гете как бы отказался от своих отвлеченных идеалов—перевоспитания человека силами эстетики и искусства. На старости лет Гете показал своего героя, индивидуалиста эпохи „бури и натиска“, видящим общественное перерождение в создании свободной коммуны труда. Только стремление к общественному перерождению может искупить тягчайшие ошибки человека и оправдать его существование. Как бы подводя итоги своему творчеству, Гете выдвигает проблему идеального коллективного бытия, он отказывается от созерцания, заменяя его призывом к действию.

Бездейственный, кончающий жизнь самоубийством Вертер, уступает место для широкой деятельности старику Фаусту, ведущему народ к труду и счастью.

Здесь мы видим перекличку с нашими задачами, с нашими стремлениями. Это обеспечивает бессмертие имени Гете, величайшего художника своей эпохи, на достижениях и ошибках которого мы можем многому и очень многому поучиться.



Вольфганг Гете в старости (с портрета Ягемана—1817 г.).

Последний монолог Фауста[1])

(Из II части поэмы Гете „Фауст“),

Фауст, достигнув глубокой старости и пройдя длинный, исполненный мятежных исканий путь, создает государство содружного труда, отвоевывает у моря клочок суши и находит высшее наслаждение в том, что он постиг глубокую мудрость, заключенную в словах: „Лишь тот достоин жизни и свободы, кто день за днем за них вступает в бой“. Мы здесь даем отрывок из последнего монолога Фауста в неизданном переводе Валерия Брюсова

...На всем пути
Сбирать народ к работе надо;
Влияй угрозой иль наградой,
Зови, наказывай, плати,
И каждый день мне подавай отчеты,
Как над каналом движутся работы!

Дыханьем местность заразив,
У гор болота проржавели,
Мы, топь гнилую осушив,
Достигнем тем последней цели.
Дадим мы место многим миллионам
Жить, пусть непрочно, но трудом законным
Нив плодородных круг стадам и людям
Даруя, землю новую добудем,
Пусть поселится на холмах крутых
Люд трудовой, сам воздвигая их.
Так здесь возникнет край эдемский мой,
И пусть о самый вал стучит прибой!
Где ж он в плотине путь себе проложет,
Содружный труд сейчас разрыв заложит,
Мне эту истину открыли годы,
В том смысл всей мудрости людской:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто день за днем за них вступает в бой.
Здесь в вечном страхе пусть ведет года
Ребенок, муж, старик, трудясь всегда.

Ах, этой жизни видеть ход,
Где волен край и волен весь народ!
Тогда мгновенью я сказал бы:
„Помедли,—как прекрасно ты!“
И след земной мой не пропал бы
В эонах вечной темноты!
В предчувствии той радости, старик,
Я высшего мгновения достиг.

(Фауст умирает)

Перевод *Валерия Брюсова*

[1] Вторая часть „Фауста“ Гете в неизданном переводе Валерия Брюсова готовится к печати в изд. „Academia“